

Прошло очень много времени с тех пор, как Курама в последний раз мог наслаждаться ливнем, не беспокоясь о том, что болезнь Сасукэ ухудшится в сырости, или о том, чтобы найти убежище, или о том, чтобы сохранить жизненно важные запасы сухими. Он улыбается, глядя на падающие капли, наслаждаясь простотой мира и легкостью ленивого дня, пока они с Какаши пробираются через деревню. Люди улыбаются и машут ему, привыкшие к его лицу после стольких часов скитаний, и Курама машет в ответ, почти радуясь, что может это делать.

Потеря Сасукэ все еще болит, тонким лезвием вонзаясь глубоко в сердце, и Курама достаточно хорошо знаком с горем, чтобы понимать, что оно всегда будет рядом. Время от времени он может не вспоминать, но никогда не забудет. Тем не менее, в Конохе есть спокойствие, бальзам на раны, которые зияют уже слишком долго. В тот первый день Курама думал, что на него обрушатся старые воспоминания, напоминания о его неудачах в другой жизни, но...

Но вместо этого он обрел покой.

Все они сражались в том времени. Все, кто мог, вплоть до мирных жителей, которым хватало смелости брать в руки мечи и защищать свои дома, даже если они никогда раньше не держали в руках ничего опаснее мотыги. Первые несколько лет каждая смерть была личной неудачей, которую Курама должен был предотвратить, но не смог. Но со временем, хотя каждая смерть по-прежнему терзала его, разрывая душу и разум в равной степени, он начал понимать, что все они сделали свой выбор. Все они делали то, что должно было быть сделано, выбирали единственный оставшийся вариант, и только дурак или безумец будет принимать всю вину на себя.

Курама никогда не был особенно умен, когда дело касалось горя или потерь, но он может уважать жертвенность. Он может принять предсмертный жест друга и стать сильнее от воспоминаний о нем.

"Курама-сан, - окликает его старческий голос, и Курама моргает, выныривая из своих мыслей. Он поворачивается и кланяется Хокаге, который как раз выходит из чайного домика со знакомой фигурой на буксире.

Увидеть Ируку-сенсея - это как заново столкнуться с тем, что он остался в прошлом, что у него еще есть время и возможность спасти тех, кого он так дорого любит. Приходится приложить немало усилий, чтобы не наброситься на него и не заключить в крепкие объятия.

"Хокаге-сама", - вежливо отвечает он. "Как поживаете?"

Старик улыбается ему, тепло и ласково, и Курама с некоторым трепетом задается вопросом, что он сделал, чтобы заслужить такое выражение. "Немного сыроват, но в остальном очень хорошо", - бодро отвечает он. "Прошу прощения, что прерываю ваши планы, но могу ли я поговорить с вами в моем кабинете?"

Прежде чем Курама успевает ответить, Ирука делает шаг вперед, сузив глаза, и рыжий почти отшатывается, прежде чем понимает, что это выражение - опасное, более чем способное

усыпить Каге и усмирить целые полчища буйных детей, вооруженных острыми предметами, - направлено не на него.

Какаши расплывается в улыбке и невинно спрашивает: "Маа, Ирука-сенсей, в чем дело?".

Ирука еще больше сужает глаза. "Ты", - рычит он, и Курама делает незаметный шаг назад, когда чуунин шагает вперед. Сандайме делает то же самое. "Твои документы на получение звания джоунина просрочены на три недели, Хатаке".

Какаши долго молчит, просто моргая, а потом поднимает руку и потирает затылок. "О?" - бесхитростно спрашивает он. "Правда?"

Ирука издает звук, похожий на звук кошки, брошенной в ванну с пузырьками, и набрасывается. Какаши пытается уклониться, устремляясь к крышам, но инструктор Академии настигает его по пятам и снова делает выпад, сбивая с крыши в момент приземления и перелетая вслед за ним через дальний край здания. В воздухе раздается звук ломающегося дерева и удара чего-то металлического о что-то явно не металлическое, а затем снова наступает тишина.

Сандайме вздыхает и прикрывает глаза шишковатой рукой, бормоча себе под нос.

Курама, поддавшись нарастающему в груди веселью, смеется, его плечи сотрясаются, когда он пытается сдержать смех, а одна рука прикрывает рот, но это мало помогает скрыть звук, который разносится по улице. Через мгновение Хокаге присоединяется к нему, качая головой.

"Мне сообщили, - язвительно говорит он, - что нет другого места, подобного Конохе, так же как нет других шиноби, подобных нашим шиноби. В кои-то веки я думаю, что Казекаге сказал мне правду".

Курама протер глаза, наконец-то сумев восстановить дыхание, и фыркнул. "А разве это был не чуунин?" - спрашивает он, потому что вид Какаши, у которого выбили ноги из-под ног, а потом сбросили с крыши, он запомнит навсегда, и это как нельзя лучше подходит для связи с Ирукой.

Хокаге еще раз усмехается и отходит в сторону, направляясь к Академии. "Да, хорошо, - говорит он язвительно. "Умино Ирука всегда был особенным чуунином, а Хатаке Какаши вряд ли можно назвать обычным джоунином".

Курама снова фыркнул. "Я тоже заметил", - соглашается он, снова поднимая лицо навстречу дождю. После того как Мадара сжег целые районы Страны Огня - несомненно, это была какая-то извращенная запоздалая месть Хашираме, - небо всегда казалось заваленным пеплом, а дождь никогда не был чистым. А вот эта буря - чистая, прозрачная и прекрасная, пахнущая свежей землей, зелеными листьями и ростом. Он с наслаждением вдыхает его, не в силах сдержать улыбку, а затем беззаботно смотрит на идущего рядом старика. "Еще раз спасибо, Хокаге-сама", - говорит он, потому что это действительно невозможно повторить. В этот раз он

не планировал возвращаться в Коноху насовсем - в лучшем случае, он думал проскользнуть туда, когда позволят планы, присматривая за своей старой командой и своим молодым "я".

Но приглашение Хокаге все изменило, и Курама хотел бы думать, что это к лучшему.

Сарутоби улыбается ему искренней улыбкой. "Всегда пожалуйста, мой мальчик", - говорит он, проходя в Административный отдел и поднимаясь по лестнице к своему кабинету. Курама следует за ним, кивком вежливо приветствуя АНБУ, спрятавшихся в тени за дверью, когда они входят в кабинет.

"Идемте", - радостно зовет Хокаге. "У меня есть чай, Курама-кун, если хочешь, или очень хорошее саке, которое мне прислал мой ученик из Страны Риса".

Курама думает о Цунаде и не может сдержать ухмылку. "Саке, пожалуйста", - говорит он, хотя с его телосложением ему никогда не удавалось так сильно опьянеть, как бы ни старалась Цунаде. А старалась она очень и очень сильно. Он был приятно пьян, пока она не признала свое поражение.

"Хороший выбор", - одобряет Сарутоби, наливая каждому по маленькой чашечке и жестом приглашая Кураму сесть в кресло напротив его стола. Курама садится в него, принимая сакэ. Вкусное, сладкое, с мягким жжением, и он закрывает глаза от удовольствия. Неважно, влияет на него алкоголь или нет, но Цунаде, по крайней мере, научила его ценить вкус.

Надолго воцаряется тишина, а затем Курама поднимает голову и встречается взглядом с Хокаге. "Вам нужно было что-то еще, кроме собутыльника, Хокаге-сама?" - с юмором спросил он. "Я, конечно, всегда готов побаловать себя хорошим саке, но..."

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458417>